

§4. Заключение

(4.0) На основании вышеизложенного очевидно, что в условиях фундаментальной правдивости агента систематическое истолкование его информативных намерений позволяет определить не только собственно интенциональные структуры его деятельности, но и рассматривать результаты их фактической реализации в окружающей среде. Таким образом, наличие у агента добродетели фундаментальной правдивости существенно расширяет диапазон доступных ему форм практического знания и действенных намерений. Такой агент может более сложно реагировать на окружающую среду, по-разному воспринимая те элементы окружающей среды, которые имеют вид не до конца реализованных тенденций и те элементы окружающей среды, которые уже имеют силу свершившегося факта. Так что именно добродетель правдивости оказывается основным средством для отличия реальности от собственных фантазий о ней. Что же касается агента, допускающего возможность лжи о своих поступках, то этот агент никогда не может исключить возможности самообмана и поэтому в меньшей степени может полагаться на свои представления о том, насколько полно его намерения реализовались в действительности. Именно это и составляет обещанное автором в начале статьи философское оправдание тезиса, сформулированного в § 0.

Литература

1. Ольховиков Г.К. Формально-ригористический подход к теории практического знания: философские основания: Автореф. дис... к-та филос. наук. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

Остапенко М.А.

Мудрость – человеческое или Божественное?

«Начало премудрости – страх Господень», «одолеешь кротость – одолеешь мудрость», «мудрость в голове, а не в бороде», «не мудрено занять – мудрено отдать»... Именно этот феномен – мудрость избирается философией в качестве цели ее поиска. Эта цель закрепляется в самом названии новой формы духовной жизни человека – любомудрие. Здесь же следует заметить, что этимология термина указывает и путь достижения цели, задает атрибутивную особенность философии, без которой философия вырождается в пустое мудрование, по мнению И.А. Ильина.

Античная философия постоянно уделяет внимание мудрости. Так, Платон, Гераклит, Аристотель и многие другие исследуют соотношение мудрости знания, относят мудрость к классу добродетелей, задаются вопросом: можно ли мудрости научиться и т.д.. Великий Сократ вообще всю свою жизнь обратил в философию, т.е. поиск мудрости, утверждая, что для достижения поставленной цели нужно познать себя. И это положение «мудрейшего из греков» следует взять на особую заметку.

Представители патристической линии в Средневековой философии именно через погружение в глубины собственной души достигали наивысшей мудрости, и таким образом мудрость удерживалась в качестве цели философии. Но уже у представителей другой Средневековой линии – схоластической наблюдается некоторое небрежение к сущности самой философии. На первый план выходят другие проблемы. Со временем же философы переключаются на исследование идеального и материального, сознания, разума, научного метода и т.д. и т.д., а феномен мудрости вытесняется в область морализирования. Мудрость как будто мельчает в глазах людей, она становится синонимом дипломатичности, изворотливости или сводится к житейскому опыту.

Кризис современного человека не случайно выражается в том числе, и в выпадении мудрости из поля исследования философов XX века. На первое место выходят такие понятия как бессознательное, иррациональное, абсурд, страх, язык, дискурс и, между прочим, информация. Информация теперь считается главным измерением человеческого бытия – кто владеет информацией, тот владеет миром. Индивиды пытаются убедить, что сегодня мудрость невозможна, невозможно быть мудрым в современных условиях. Мудрец – явление традиционного общества, а в условиях постоянно меняющегося мира невозможно обрести мудрость, ибо ее нет. Однако в повседневной жизни наблюдается прямо-таки социальная потребность в мудрости. Поскольку же людей убеждают в невозможности мудрости в современных условиях, то живейший интерес проявляется к различного рода древним и таинственным способам умудрения человека. И это указывает на экзистенциальный характер мудрости, на ее принадлежность к универсальным основам человеческого существования.

Феномен мудрости практически не исследовался философами, хотя он интуитивно схватывается ими, и этого интуитивного восприятия как будто достаточно. Между тем, даже первое приближение к теоретическому осмыслению этого феномена выявляет его многоаспектность. Эту категорию найдешь далеко не во всяком философском или энциклопедическом словаре.

С.И. Ожегов трактует мудрость как глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт. В. Даль определяет мудрость как соединение истины и блага, как «слияние высшего состояния умственного и нравственного совершенства». Таким образом, сразу же высвечиваются такие фундаментальные категории человеческого бытия как истина, благо, совершенство, гармония, опыт, ум. Но этими категориями разговор о мудрости не ограничивается. Целый ряд феноменов, так или иначе, соприкасаются с феноменом мудрости и в этой связи должны быть рассмотрены.

Мудрость и знание, пожалуй, самое популярное соотношение. Давно всем очевидно, что человек знающий (пусть даже много знающий) не тождественен человеку мудрому. Хотя в древности и называли мудрецами тех, кто много знал, но уже Сократ развенчивает этих мудрецов своей иронией. С другой стороны, столь же очевидно, что быть мудрым и не обладать знанием невозможно (хотя Сократ и утверждал, что ничего не знает). Какова же мера знания, необходимая для мудрого? Это сопоставление мудрости и знания позволяет отнести мудрость к разряду свойств, таким образом, становится ясно, что мудрости нельзя научиться (так же как нельзя научиться любви, надежде, вере). Но если мудрость это свойство, то обладают ли им все люди, то есть является ли оно родовым, или оно индивидуально и присуще немногим? Если это свойство индивида, то почему тогда мудрость столь человечна, столь всеобща? Если это родовое свойство, то почему мудры лишь немногие? Пожалуй, определение В. Даля помогает ответить на эти вопросы: мудрость как слияние умственного и нравственного совершенства необходимо достигать. То есть, это родовое свойство, но реализуется оно не всеми, часто оставаясь в потенции.

Мудрость и истина, мудрость и интуиция, мудрость и опыт. Очевидно, мудрость должна отражать истину, но тогда возникает пилатовский вопрос: что есть истина? И сразу же гора сломанных копий и перьев, хотя подчас Истина стоит перед нами как перед Пилатом. Значит мудрость – способность не отвергнуть истину? Интуицию определяют как непосредственное проникновение в самую суть чего-либо или как целостное восприятие вещи в единстве сущности и явления. Мудрость – синоним интуиции?

Помимо проблемы соотношения мудрости, опыта и интуиции намечается целый ряд других проблем. Проблема соотношения мудрости и разума, ума, гениальности. Далее следует проблема взаимодействия мудрости и таких экзистенциальных характеристик человека как вера, надежда, любовь. Так же, как и мудрость, они являются свойствами человека. Но если можно научиться

любить, верить, надеяться, то в отношении мудрости можно научиться только мудрить или мудрствовать (лукаво – сразу всплывает эпитет). Однако человек может помудреть, так же как может полюбить, поверить. Во всех этих случаях фиксируется принципиальная разница состояний индивида до и после «по...» (помудрения, полюбления, уверования). Это не только разница состояний, это и изменение отношения к жизни, миру, другим людям, себе – это кардинальная переоценка ценностей.

Довольно любопытен практически вышедший из употребления термин целомудрие. Сегодня он в лучшем случае ассоциируется с абсолютным воздержанием от половых связей, хотя никогда не заключал в себе этого смысла. Этот термин интересен тем, что прилагает категорию мудрость к человеческому телу. Противоположными по отношению к целомудрию являются такие понятия как ханжество и похотливость. Цело-мудрие – целостность, единство, гармоничность, в то же время – сохранность, нетронутость грехом. Таким образом, целомудрие – мудрое сохранение своего тела и души от ханжеских и похотливых действий, чувств, мыслей, желаний. Через эту категорию мудрость высвечивается как универсальная антропологическая категория, приложимая не только к уму, но и к телу человека.

Представляется и противопоставление мудрости такому ряду категорий как глупость, безумие, мудрование, умствование, хитрость. Это противопоставление предлагает методологию исследования мудрости в качестве добродетели, рассмотрение ее как избегания крайностей глупости и мудрования. Но здесь же возникает и некоторая неясность. Противоположным понятию глупый является понятие умный, тогда получается, что мудрый – это не глупый и не умный. Таким образом, мудрость не укладывается в этот ряд. Может мудрость – явление, не имеющее строгой привязки к интеллекту, ведь и умный может не быть мудрым, а человек с низким интеллектом может поступать мудро. В то же время мудрование и умствование представляются категориями, фиксирующими чрезмерное употребление интеллекта там, где можно решить все гораздо проще.

Простота – категория вообще не считающаяся философской, и, пожалуй, напрасно. Ведь, как известно все гениальное просто. Столь же простой выглядит и мудрость. Простой и удивительно ясной, предельно отточенной предстает она взору окружающих. Но все же мудрость нельзя отождествить с гениальностью. Хотя так же как гениальное, мудрое далеко не всегда бывает сразу оценено по достоинству, хотя гениальное решение, так же как и мудрое

может быть плодом мучительных поисков, а может прийти в озарении, эти явления принципиально отличаются. Мудрость не может быть разрушительна для индивида, мудрости имманентно нравственное созидание, гениальность же может быть разрушительна и античеловечна. Любопытно – мы говорим гениальный художник, писатель, поэт, гениальный ученый, мыслитель, философ, но нет в нашей речи выражения гениальный мудрец – оно звучит как-то абсурдно. Более того, попытка представить подобное сочетание порождает стойкое ощущение несовместимости этих понятий, как будто они из разных стихий. Пожалуй, эта несовместимость кроется в следующем. Гениальность – некий задаток, потенция, это то, что еще должно быть реализовано. Мудрость – некая реализованность, состоялось. Мудрость – итог, а гениальность – возможность.

Вернемся к простоте. Простота имеет много синонимов, целый спектр значений-нюансов. Мудрость стремится к простоте самовыражения, к простоте формы, при богатстве и многообразии содержания. Человек мудрый часто прост в общении, и что любопытно – не многословен настолько, что порой предпочитает молчать – «высшая поэзия – молчание». Мудрец нередко скрывается за внешностью простака. Это может быть сознательное сокрытие или естественно сложившееся положение.

Но все же простота может быть хуже воровства. Мудрости свойственно во всяком явлении, вещи, отношении различать существенное и несущественное, временное и вечное, абсолютно значимое и имеющее значение сиюминутное. Мудрости свойственно относиться «просто» к несущественному, временному, сиюминутному, легко пренебрегая всем этим, сохраняя серьезность отношения к вечному, существенному и абсолютному. Воспринимая несущественное просто, мудрость различает тончайшие нюансы существенного. Мудрый никогда не будет «смотреть проще» на нравственные коллизии, что позволит ему избежать сложности во взаимоотношении с людьми.

Таким образом, рассмотрение феномена мудрости в первом приближении очерчивает целый круг категорий, так или иначе сопряженных с категорией мудрости: знание, опыт, интуиция, истина, гениальность, хитрость, разум, интеллект, вера, любовь, надежда, вера, целомудрие, простота, глупость, безумие, мудрование, умствование. Для понимания феномена мудрости этого, конечно, недостаточно. Следует рассмотреть мудрость в ее различных смыслах: мудрость как знание, познание; мудрость как дальновидность, осторожность; мудрость как житейский опыт; мудрость как смирение.

Мудрость как познание, мудрость как знание – это, пожалуй, самый древний смысл понятия мудрость. Мудрецами называли ученых – людей, которые, в первую очередь, обладали большими, чем окружающие сведениями о мире. Причем эти сведения должны были носить разносторонний характер. Такое понимание мудрости встречается в сказках: «она так умна, что слышит, как трава растет» и т.д. И, если на первый взгляд может показаться, что речь идет просто о большом объеме знаний, то приведенная цитата показывает, что мудр собственно тот. Кто проникает в суть вещей через учение, через усвоение сведений о мире, людях, странах и т.д.

Постижение сущности, умение отличить существенное от несущественного, разглядеть характерные особенности всякого вида бытия, понять специфику каждой вещи – вот что подразумевается древними под мудростью ученых. Более того, древние выделяли у мудреца еще и способность применить эти знания в жизни: выбрать уместный способ поведения, воздействия на окружающих. Не случайно Василиса Премудрая знает, как поступить в той или иной ситуации, несмотря на замысловатость обстоятельств. И, напротив, глупый Ётаро не в состоянии применить рекомендованный способ поведения в подходящих условиях, отчего и терпит неудачи.

И здесь мудрость довольно легко переходит из ранга, так сказать, естественнонаучного или философского постижения мира в эзотерику. Мудрец в древности нередко одновременно маг, волхв, жрец. Стремление постичь природу вещей, понять наилучший способ поведения, овладеть приемами воздействия на людей и предметы рано или поздно приводит мудреца-естествоиспытателя или мудреца-философа к очевидности вторичности мира природного. Рано или поздно мудрец обращается к миру духовному, и тогда судьба его и его мудрости складывается под воздействием очень многих факторов.

Рассмотрим мудрость как опыт, мудрость житейскую. В этом смысле мудрость выступает как весьма многоликое явление, ведь опыт человека зависит от конкретной исторической эпохи, культуры, субкультуры, обстоятельств и т.д. и т.п. То есть опыт разных индивидов будет различен, и, что не менее значимо опыт (даже если он типичен) очень сильно ограничен рамками эпохи, культуры, субкультуры и т.д. и т.п.

Мудрость, базирующаяся только на опыте, приобретает качество относительности. Попадая в иные условия, сталкиваясь с обстоятельствами неординарными, индивид уже не может опереться на мудрость опыта, так как

она не вырабатывает общих, универсальных принципов поведения. Она создает только алгоритмы, стереотипы поведения действенные в конкретных ситуациях. Такова мудрость традиционного общества. При этом мудрость не тождественна традиции и отличается от нее следующим. Традиция касается общезначимого, надындивидуального, она предписывает тот или иной способ поведения индивида в типичной ситуации в зависимости от его статуса. Мудрость относится, в первую очередь, к ситуациям, где преимущественно действует свобода индивида, где проявляется его индивидуальность, когда перспектива не очевидна. Традиция предполагает автоматизм, мудрость предполагает вопрошание: как быть, как поступить?

Рассматривая мудрость как дальновидность, следует представлять те границы, которые неосознанно или сознательно очерчивает индивид для этой дальновидности. Один мудрец просматривает перспективу ближайших 5-10 лет, другой задумывается о судьбе сыновей, третий имеет в виду неопределенную отдаленность во времени, четвертый взирает на сегодняшний день через призму вечности. Их поведение будет отличаться, их мудрость будет различна. Здесь напрашивается мысль о градации мудрости. Вполне естественно говорить о более мудром и менее мудром человеке. Эта градация, безусловно, имеет место в действительности: коль скоро мудрость – слияние умственного и нравственного совершенств, то к совершенству восходят постепенно.

Значит, есть разные ступени мудрости, но возникает вопрос: что представляют собой эти ступени? По каким признакам можно судить о продвижении к цели? И опять – что это за цель: сама ли мудрость является целью? Так (мудрость – цель сама по себе), пожалуй, воспринимают ее китайские философы и мудрецы – достигший мудрости молчит, говорит лишь тот, кто ею еще не обладает. Может быть мудрость такая цель, которая по ее достижении становится и средством достижения целей более значимых, то есть – цель промежуточная? Но есть ли в представлении людей что-либо более значимое, чем мудрость? На этот вопрос не получится дать однозначного ответа, по крайней мере, в рамках данной статьи. Мудрость одно из самых ценимых качеств, с одной стороны и для многих мыслителей – предел исканий. С другой стороны, то же Христианство ставит выше достижения мудрости обожение человека. Но в то же время, обожение означает и приобщение человека к Божественной Премудрости, и, таким образом, мудрость выступает, по крайней мере, как составляющая конечной цели.

Мудрость может выступать и как смирение, то есть как трезвая оценка индивидом своих возможностей, как понимание своего уровня и умение довольствоваться тем положением, теми благами, которые есть. Такой мудрец не станет ставить перед собой непосильных задач и не станет надрываться достижением несбыточного. Он понимает свое место, понимает, что именно для него является наилучшим, одним словом, понимает себя (собственно то, к чему призывал Сократ: «познай себя»).

Мудрость как смирение может проявляться и в трезвой оценке обстоятельств, политической ситуации, социальных условий в которых приходится действовать индивиду. Такая трезвая оценка порождает понимание возможности или невозможности каких либо изменений, достижения поставленных целей. Очевидно, что мудрый, видя невозможность изменения, не станет тратить силы, пытаясь что-либо изменить. Хотя нередко такое поведение мудрого воспринимается окружающими как безволие, политическая несостоятельность.

Можно подойти к исследованию мудрости и с другой стороны – выделить антропологический, социальный, гносеологический, методологический, этический аспекты мудрости. Каждый из них позволит увидеть различные основания данного феномена.

Так, например, главной проблемой антропологического аспекта мудрости является идентификация мудрости как явления человеческого или Божественного порядка. То есть мудрость – это сугубо человеческое, или сугубо Божественное, или же Богочеловеческое? Особую эвристическую ценность представляет раскрытие сущности данного феномена через категорию совершенства. При этом нельзя обойтись без анализа и сопоставления понимания совершенства в различных антропологических моделях, который позволит за многообразием культурно-исторических проявлений увидеть целостность сложного феномена мудрости.

Кроме того, сопоставление смыслов и аспектов мудрости неизбежно приведет к некоторым пересечениями, позволит соотнести некоторые аспекты феномена с различными смыслами. Что позволит внести ясность в понимание бытования данного явления.